

Григорий ШАЛАКИН

ГОВОРИМ «ПАЧА», ПОДРАЗУМЕВАЕМ «ВЕРНЕР»

В начале 1980-х годов я был корреспондентом областной газеты «Кузбасс», где с лёгкой руки опытного журналиста Якова Лукича Северного меня перевели из отдела тяжёлой индустрии в «партийную жизнь». С тех пор не забываю его пожелание: стараться рассказывать двухсотдвадцатитысячной читательской аудитории о реальной жизни партийцев, а не смаковать уставные и программные требования. Простой профессиональный секрет помог мне открыть новые темы и увидеть разноплановым главным угольный регион страны. Именно тогда и познакомился со многими удивительными людьми. Михаил Матвеевич Вернер, директор совхоза «Пачинский» Яшкинского района, из их числа. Жаль, что только теперь приходит понимание того, сколь величавой фигурой предстал он в аграрном секторе Кемеровской области: воистину большое видится на расстоянии.

Но лет сорок тому назад происходившее в Паче воспринималось всего лишь данностью эпохи, незаслуженно прозванной в 1990-х застойной. На самом деле то было время созидательного коллективного труда и совсем не мыльно-пузырных маяков производства.

Таким, передовым, слыл совхоз «Пачинский». Он уверенно входил в список лучших кузбасских хозяйств и ежегодно производил продукции на четыре миллиона рублей. В то время заметными звёздами на сельском «небосклоне» считались сельскохозяйственные предприятия, работавшие в миллионном режиме.

Богатевший зерном, мясом и молоком «Пачинский», по словам его тогдашних работников, в 1970–1980-х годах оказался на маршруте делегаций, хотя находился в стороне от шумных дорог. Главный зоотехник совхоза Людмила Петровна Черешня как-то подсчитала: за год совхоз принял 65 делегаций из разных уголков Советского Союза и других стран. Сюда с удовольствием приезжали за опытом партийные и хозяйственные руководители, министры и их заместители, аграрии из Венгрии и Болгарии, Гер-

мании и Индии, США и Кубы, Индонезии и Ганы, Кении и Югославии, Марокко и Алжира. Сюда же в 1983 году пролёг маршрут одного из ответственных работников ЦК КПСС. Благодаря этому случаю я познакомился с Пачей.

После 70-километрового автомобильного пути (существовал ещё и водный, по Томи) от Кемерова до Пачи, проходившего среди тайги, сосновых боров и берёзовых перелесков, московский гость и сопровождавшие его лица из обкома КПСС, выйдя из «Икаруса», не ощутили разницы между городом и деревней. Кругом – асфальт. Дома в несколько этажей и добротные кирпичные коттеджи на две квартиры. Дальше – ухоженный частный сектор. С центральной площади видна Венгерская улица с двухэтажными коттеджами на одну семью. Это строилась вторая очередь микрорайона, куда Вернер внёс венгерские мотивы, подсмотренные в побратиме Кузбасса – Ноградской области. А первая улица из более скромных кирпичных домов появилась ещё в 1968 году.

Небось, сам директор в таком теремочке живёт? Но вопрошавшие были разочарованы, когда узнали, что директорский дом находится чуть ли не на выселках, в другом конце деревни. И он ничем не отличается от обычного деревенского жилья. Михаил Матвеевич и его жена Татьяна Андреевна (Баранова в девичестве) с молодых лет «прикипели» к нему и до конца жизни не поменяли прописку. А благоустроенные хоромы с тёплыми гаражами строили для лучших труженников полей и ферм, для специалистов и врачей, учителей и культпросветработников. Жилой фонд Пачи вернеровского периода создавали постепенно, при средней ежегодной сдаче 20 квартир. Строили как получалось. Где по специальным проектам, а часто по эскизам директора совхоза.

Кто из потенциальных новосёлов не был способен содержать приусадебное хозяйство, мог рассчитывать на отдельное жильё в двух многоквартирных домах из стеновых панелей Яшкинского завода.

Названия улиц в Паче созвучны советским временам: Ленина, Советская, 60 лет Октября, Новая, имени Гагарина. В домах – центральное отопление, горячая и холодная вода, разумеется, лампочки Ильича. Всего совхозные строители (тот метод назывался «хозспособом») передали сельчанам ключи более чем от 550 квартир общей площадью свыше 25 тысяч квадратных

метров. Если взять в руки арифмометр, то получается, что в среднем на одну квартиру приходилось по 45 с лишним квадратов, что является достойным сопоставлением с городскими мерками сегодняшней поры.

В посёлке не было ни грязи, ни бродившего совхозного и частного скота. Для частных коров, гусей, уток и куриц выделили особые маршруты до пастбищ и водоёмов за счёт специальных хозяйственных проездов. Они и сейчас никуда не делись. Действовало правило: за появление скотины в асфальтированном центре села на её владельцев накладывался штраф. Как и за любое заугубленное деревце в черте населённого пункта.

Один из пачинских ветеранов недавно поведал мне свою жилищную историю. Жил он с семьёй в стеснённых условиях и решил перебраться в другую деревню, о чём сообщил Вернеру в заявлении на увольнение из отряда механизаторов. И он изумился, когда на следующий день около его скромного жилища загудела совхозная техника. Строители мигом подготовили площадку. А через месяц комбайнёр и ещё одна такая же семья праздновали новоселье. «При таком отношении к трудягам разве бросишь Пачу», – сказал мне старожил.

Руководству совхоза приходилось преодолевать немало барьеров, чтобы создать хорошие бытовые условия людям. Новые объекты, а ведь было ещё и производственное строительство, поглощали огромное количество кирпича, цемента, шифера, стекла и других материалов. А их государство отпускало по так называемым фондам. Гвозди и те оказывались в дефиците, не говоря уже о шурупах. Но местные аграрии находили разные способы сочетания собственных интересов с внешними обстоятельствами. Прибегали к помощи земляков, работавших в разных инстанциях и по всей стране, практиковали бартерные операции, а иногда заручались обкомовской и облисполкомовской поддержкой. За фондируемыми и выхлопотанными разными способами материалами каждый день грузовики выезжали из совхозного гаража в пять часов утра. За день совершали по два рейса. Из Кемерово привозили кирпич, из Анжеро-Судженска – стекло, белый силикатный кирпич для облицовки стен и наружного орнамента – из Красноярска. Гравий добывали на ближайших речных островах, которые горячие головы пробовали превратить в поля для зерновых культур, но быстро

одумались, поняв, что в первое же половодье вся внесённая на острова органика и неорганика вместе с семенами и саженцами окажется в Томи. Организовали заготовку леса в тайге. Всех совхозных специалистов привлекал Вернер на воскресники. Среди них находились и вальщики деревьев, и их помощники. Михаил Матвеевич – в общей упряжке. Освобождали брёвна от сучков и сразу подвозили к совхозной пилораме. Обработкой древесины занимался строительный цех. В нём трудились бетонщики, каменщики, штукатуры, маляры, столяры и плотники. Всего сто человек. Лесозаготовителей – участников субботников и воскресников – вечером встречала совхозная турбаза отварной лосятиной по-пачински. Передохнули люди, а на следующий день каждый принимался за основную работу в полеводстве и животноводстве.

Жилья требовалось много, так как совхоз динамично развивался, увеличивал объёмы производства продукции. Жить в многонациональной Паче стремилась инициативная молодёжь из разных мест Советского Союза. Ежегодно в совхоз приходили до 500 писем с просьбами предоставить работу. Много вакансий не было, но они периодически появлялись. Для претендентов существовал испытательный срок. В результате профессионально подготовленные, целеустремлённые, творческие личности получали не только работу, но и благоустроенное жильё. Выпускники московских сельскохозяйственных вузов, Новосибирского, Алтайского и других институтов составляли основу управленческих кадров.

Но пробившись в местную элиту, нужно было выдерживать сумасшедший производственный ритм, который задавал руководитель. С 5–6 утра и до позднего вечера Вернер был на ногах. В конторе находился мало – час-два в день от силы. Производственные совещания проводил ежедневно: утром и вечером, часто – непосредственно в поле, на культстане, ферме или стройплощадке. Почти всегда сам сидел за рулём служебного транспорта. Сначала – мотоцикла, потом – ремонтной лётучки, затем – всюду проходимого уазика и напоследок – легковушки. Его «Волгу» с номером 12-31 КЕА знали все в округе: от уборщицы в совхозной конторе до дежурного милиционера райотдела. От обычных машин вернеровские автомобили отличались наличием в кабине постоянно работающей рации и толстой записной книжки с номерами телефонов нужных ему людей. У

всех специалистов рации работали в том же режиме. Распоряжения директора могли поступить в любой миг. Они не обжаловали: Михаил Матвеевич не имел привычки по два раза повторять одну и ту же команду или задание. В этом, наверное, и есть смысл и административного, и командного управления.

На протяжении полутора десятилетий Вернер готовился к большой хозяйственной стройке. Он задумал создать в Сибири самый современный механизированный животноводческий комплекс, который должен был стать производственной основой агрогородка, с хорошим жильём, детским садом, школой, больницей и магазинами. И агрогородок уже вырисовывался. Его жителями помимо дипломированных специалистов совхоза становились врачи, учителя и культработники, а также крестьянские семьи из окружающих деревень с их полусгнившими хибарами и развалившимися от времени сельхозобъектами. И в Паче всё было устроено для приёма переселенцев.

Для животноводческого комплекса Михаил Матвеевич многое почерпнул, бывая на аналогичных объектах в Омской области. Некоторые «изюминки» раздобыл в Латвии, Белоруссии, на Украине, в Новосибирске, Вологде и Подмосковье, а также в европейских странах соцлагеря. Принципы, которыми он руководствовался, и цели, к которым стремился, формулируются просто. Доярки должны приезжать на работу на служебном автобусе и в туфельках, а не в резиновых сапогах. Трудиться должны посменно, а не от зари до зари. После вахты мастера машинного доения должны иметь возможность подкрепиться кислородным коктейлем или плотно покушать в столовой, позаниматься в цехе здоровья, пройти лечебные и физиотерапевтические процедуры, а на выходе в торговой точке комплекса приобрести необходимые для дома товары.

В животноводческий комплекс доярок в туфельках и домашней одежде однозначно не пускали. Там особый санитарный режим, строгие правила гигиены и эпидемиологической безопасности. Заступающим на смену дояркам и скотникам полагались специальные халаты и обувь. Перед входом в коровье царство нужно было обязательно продезинфицировать обувь и надеть бахилы. После смены рабочая одежда поступала в прачечную. Для животноводов работали душевые и комнаты гигиены, где сплошь –

кафельная плитка. И везде – идеальная чистота, на окнах – живые цветы. Обстановку напоминала домашнюю. Все подсобные помещения для специалистов находились в отдельном от коровников корпусе, но под общей крышей. Значит, людям не нужно лишний раз выходить на улицу. Это важно, если помнить о том, какими лютыми бывают зимы в Сибири, особенно в январе, когда столбик термометра может запросто подобраться к 50-градусной отметке.

В морозные дни, чтобы не терять надои молока, в коровники направляли тёплый воздух. Не было в них ни сквозняков, ни сырости. Доили животных три раза в сутки. На одну доярку приходилось 50 коров (в обычных коровниках – 15). С ними обращались ласково и называли по имени: Солнышко, Рябинушка, Умница, Недотрога, Зазноба и так далее.

У бурёнок – калорийный рацион. Для них готовили смеси из кукурузы, овса и ячменя молочно-восковой спелости. Корма, как правило, были своими – с зелёного конвейера, который обеспечивала одна тысяча гектаров орошаемых земель. А сезонная заготовка кормов на открытых лугах и в притаёжной зоне являлась летним фронтом не только для совхозных механизированных звеньев, но и для всех специалистов, а также для определённой части работников социальной сферы.

Михаил Матвеевич, как правило, вооружался не литовкой, а вилами, так как умел мастерски ставить стога. Со своим помощником он собирал по три-четыре зарода в день. Вдвоём они были способны за один час сметать пять тонн сена. В условиях сибирской жары это – громадная производительность. После сенокоса гуртом отправлялись на Томь, купались, на ближайшем островке восстанавливали потраченные силы посредством деревенских закусок: отварными картошкой и мясом, солёным салом и запашистым хлебом, капустой и лучком с грядки. Бывало, что коллективная работа, если лето оказывалось засушливым, захватывала и холодную осеннюю пору. Тогда рекордсмены на заготовке кормов получали приз – ящик водки (20 полулитровок) и угощали этим напитком всех участников трудовой битвы на лугах. Примечательно, что за всё время проведения таких мероприятий не произошло ни одного мало-мальского инцидента. А ведь многие всуе трендычили, что советский народ спивается. Однако к Паче это не имело никакого отношения.

137

Первая очередь комплекса возникла в 1981 году. Она была рассчитана на 1 200 коров и на тысячу голов молодняка. Затем в совхозе сдали в эксплуатацию вторую очередь комплекса и молочно-перерабатывающий пункт, механизированный коровник в Морковкино и цех по приготовлению кормов в Средне-Яшкино. Построили механические мастерские и просторный гараж в Паче, гравийную дорогу в Синеречку. Открыли два магазина, кондитерский цех и занялись выпуском газированных напитков. За вкусной продукцией народ приезжал в село из других мест. Необходимо отметить, что капитальное строительство велось без остановок основного производства.

В совхоз входили четыре отделения в семи населённых пунктах: Паче, Синеречке, Власково, Нижне-Яшкино, Морковино, Щемилровке, Миничево. Посевные площади достигали 9,5 тысячи гектаров. В «Пачинском» ежегодно надаивали по 3 500 килограммов молока и более от каждой коровы. Из села текли молочные реки, говорят сейчас его жители. Тогда содержали около 7 тысяч голов крупного рогатого скота – сколько в трёх-четырёх рядовых хозяйствах. Кроме того, выращивали 19,5 тысячи свиней, держали 150 лошадей и 150 пчелосемей. Совхоз имел 210 тракторов и автомобилей. Продукции выпускал, повторюсь, на 4 миллиона рублей в год. Его основные фонды «тянули» на 19 миллионов рублей. За последние десять лет хозяйствования по-вернеровски в 8 раз была увеличена продажа мяса государству и в 2,5 раза – производство молока.

Недавно знакомился с областной прессой. Узнал, что более 700 крестьян в 40 с лишним населённых пунктах в прошлом году сдали заготовителям столько-то молока. Сопоставил цифры. Тех же самых показателей Вернер добивался существенно меньшей численностью работников, силами животноводческих комплексов двух деревень. Вот вам и эпоха застоя.

Уже упоминавшаяся Людмила Петровна Черешня после окончания техникума ехала в Пачу с ящиком книг в кузове грузовика, мчавшегося по разбитым дорогам мимо дощатых свинарников, а уходила на пенсию в селе с городскими улицами и устроенными по последнему слову техники сельхозпредприятиями. Она с благоговением вспоминает Михаила Матвеевича Вернера и говорит, что тот мгновенно реагировал на казусы, один из которых числится лично за ней. А произошло вот что.

Людмила Петровна в техникуме была старательной ученицей и запомнила слова преподавателя: утреннее молоко получится отменным, если перед дойкой не кормить коров. А местные доярки поступали вопреки этому. Но Черешня настояла на своей теории. И тогда голодные коровы объявили забастовку и оставили ферму без молока. Вернер вызвал начинающего зоотехника «на ковёр» и по-дружески сказал: «Не глупи, пожалуйста».

Деревня хорошела. В Доме быта располагались парикмахерская, ателье по пошиву одежды и мастерская по ремонту обуви. Новую столовую украсили фресками. В год 30-летия Победы над фашизмом в Паче разбили парк с именными аллеями и красивым фонтаном – первым в сельской местности Кузбасса, с тянущимися к небу голубыми елями, обновлённым памятником землякам – героям Гражданской и Великой Отечественной войн, интересными скульптурными композициями на морскую тематику у фонтана и фигурами зверей среди деревьев. Эскиз парка набросал Вернер. Он же придумал рисунок для узорчатого забора. А ведь сначала люди спорили: уж так ли нужен в деревне парк, если тайга и привольная река с перекатами и островами под самым боком? Но такой подход не устраивал Вернера. Отдых на дикой природе, по его мнению, – одно, а в парке – совсем иное. Сюда могут прийти молодёжь с детской коляской. Для отдыха им не надо облачаться в походную одежду.

Построили из кирпича трёхэтажную общеобразовательную школу. Кадры совхоз готовил себе чуть ли не с начальных классов. При Вернере был организован школьный телятник, где ребята разного возраста с удовольствием работали по графику, чтобы увлекательное занятие не мешало им готовиться к урокам. Для старшеклассников внеурочные занятия по сельскохозяйственной тематике проводили директор совхоза, главный агроном, главный инженер, главный зоотехник, главный экономист. На практику ребят приглашали в учебно-производственные лаборатории, мастерские, на поля и фермы. Совхоз обучал трактористов-машинистов и операторов машинного доения.

В Пачинской школе сформировали ученическую производственную бригаду «Урожай», которая занималась выращиванием овощных культур. Важно уточнить: школьники и сейчас продолжают это дело, обеспечивая своё учебное

138

заведение и детский сад капустой, картошкой и другими корнеплодами. В распоряжении бригады всегда был трактор с навесным оборудованием. Школьное поле – 30 гектаров. Для детей был открыт лагерь труда и отдыха «Колосок». Юноши заготавливали корма, работали штурвальными на зерноуборочных комбайнах. Приобретённый опыт помогал им во время службы в армии. После срочной службы юноши возвращались в родное село. Тогда каждый второй в Паче был молодым человеком, до 30 лет. Женихов и невест – в достатке. Играли по 35 свадеб в год. Часто молодожёны в день бракосочетания получали квартиры. Число комсомольцев в совхозе выросло с 70 до 350. С 1982 года начали праздновать День села Пача. А демографическая ситуация была такой. В 1968 году в Паче насчитывалось 1 100 жителей, 1989 году – почти 1 500. И это – застойный период?

Вернер замечал: население растёт, деревня благоустраивается, а за медицинской помощью людям приходится обращаться в больницы районного центра Яшкино и города Кемерово. Он привлёк в союзники местную власть, депутатов. Сообща добились открытия в Паче участковой больницы, где подобрались прекрасные хирурги, терапевты, педиатры, стоматологи, фельдшеры и медицинские сёстры. В сельскую клинику стремились попасть на практику студенты Кемеровского мединститута. Об этом мне поведал профессор, доктор медицинских наук, заслуженный врач РФ Александр Михайлович Путинцев. По его словам, в пачинской больнице была прекрасная операционная, а в палаты селили по два человека.

Прогуливаясь по Паче, не пройдёшь мимо детской школы искусств, хотя и расположена она в парковой зоне. Каждый день в ней занимаются музыкой, танцами и творчески растут сотни ребят. Тут особая аура. Дети после уроков в общеобразовательной школе проводят здесь вторую половину дня. Сравнил количество посещающих центр искусств с числом пачинских школьников. И эти цифры оказались очень близкими. С февраля 2001 года школа носит имя М. М. Вернера. Из нынешних её учащихся мало кто слышал о том, что добротное двухэтажное здание с большими окнами, светлыми классами, актовым залом, зимним садом, фонтанчиком и журчащим ручейком было построено под видом совхозной конторы. Непозволительная по тем временам самодельность Вернера обернулась для него

несколькими строгими выговорами со стороны чиновников, но зато добрыми словами – со стороны сельчан.

В 2009 году по инициативе администрации Яшкинского района и при поддержке Международного союза немецкой культуры в Паче состоялся Первый открытый районный конкурс юных музыкантов, вокалистов и художников имени М. М. Вернера. С 2011 года конкурс имеет статус межрегионального и всесибирского. Его мероприятия проходят и за пределами Пачи: в запо-веднике «Томская Писаница», в Москве и Германии. Они собирают десятки ребятишек из Кузбасса, Омской, Томской, Новосибирской областей, Алтайского края, с Урала, других российских регионов и стран ближнего зарубежья.

Как рассказала мне председатель регионального координационного Совета немцев Софья Александровна Симакова, Вернер всячески поддерживал творческих людей. Эта жилка у него, видимо, от страсти к чтению, чем он «болел» всю жизнь, и от искренней дружбы с маститым живописцем Кондратием Беловым, который родом из Пачи и прекрасный музей которого находится в Омске. Белова сельчане считают почти что лауреатом Сталинской премии, ведь лишь малюсенькая формальность помешала принятию решения о присуждении ему звания лауреата.

Белов передал селу через Вернера шесть своих полотен. Сейчас их можно видеть в пачинских учреждениях и наслаждаться пейзажами Сибири. Сама же Пача присутствует в нескольких его работах, известных сельчанам, – «Пачинский пруд» (1965), «Комариный день» и «Вечер в родном селе» (1968), «Берёзовый мыс» и «За-кат» (1975 год).

Вернер ввёл в практику пачинские пленэры для профессиональных художников. Они приплывали в село на теплоходах по Томи. По несколько дней здесь жили, творили. А в знак благодарности за радушное гостеприимство дарили свои этюды или законченные работы. Так возникла размещающаяся сейчас в школе картинная галерея.

Михаил Матвеевич был дружен с народными художниками России Александром Михайловичем Ананьиним, Александром Николаевичем Кирчановым, Павлом Афанасьевичем Черновым. Недавно в Кемерово я побывал в мастерской заслуженного художника РФ Ивана Ивановича Филичева, который сделал два графиче-

139

ских портрета Вернера в 1973 году. Он рассказывал, что заставив позировать Михаила Матвеевича для живописного полотна было невозможно. Он всё время торопился. Проще было кемеровскому поэту Валентину Махалову, который, следуя по пятам за директором совхоза, написал о нём прозаический очерк. Вернер несколько раз бывал в мастерской Филичева. И тот вспоминает его как прекрасного собеседника.

Кемеровский поэт Александр Иванович Катков на всю жизнь запомнил, как осенью 1973 года литераторы Кузбасса на автобусе прибыли в Пачу. Встретил их Вернер, показал поля и фермы. Катков – выпускник Лейпцигского университета, поэтому не преминул перебраться с Михаилом Матвеевичем несколькими шутками на немецком языке. Но самым интересующимся совхозами, привесами, надоями и урожаями оказался Виталий Креков. Он был так заинтригован здешней сельской жизнью, что надолго задержался в животноводческом комплексе и вечером опоздал на творческую встречу с читателями, которые заполнили до отказа большой зал в сельском клубе.

Вернеру, мне кажется, как нельзя более подходят строки кемеровского поэта Сергея Лаврентьевича Донбая:

*И когда у врагов не останется злости,
И когда свою нежность друзья истребят,
Я пойму, что во мне отражаются звёзды
И что птицы на мне, не пугаясь, сидят.*

Директор совхоза трепетно относился к сельской, истинно народной культуре. Однажды в сельском клубе провалился пол на сцене под танцорами, в чём не дробь плясунов была виновата, а дряблые доски. Находившийся среди зрителей Вернер был готов сквозь землю провалиться. В результате затеял ремонт клуба, за счёт совхоза были приобретены концертный баян, другие музыкальные инструменты, пошиты костюмы участникам народного хора и танцевального коллектива.

Многоголосый сельский хор Михаил Матвеевич возводил в ранг объективного показателя уровня развития художественной самодеятельности в том или ином населённом пункте. Поэтому даже снимал со сцены и отправлял в клуб на репетиции даровитых на голос доярок. Его участие в этом важном проекте переплавлялось в длительные овации пачинским хоровикам на

конкурсах и торжественных мероприятиях районного и областного масштаба. А песня «Хлеб – всему голова» и частушки были таким весомым козырем, что слушать хор съезжались большие руководители из области. Один раз советское Центральное телевидение выделило 40 минут эфира провадом русской зимы в отдельно взятой Паче. Вся страна увидела её тройки лошадей с бубенцами, местных богатырей и смельчаков, лазающих по ледяному столбу с призами на вершине.

В грибном лесу, всего в 500 метрах от Томи была построена совхозная турбаза из двух корпусов с баней и бассейном. Она функционировала круглый год. Тут могли одновременно отдыхать два с половиной десятка человек. На турбазе проходили праздничные мероприятия для передовиков и новаторов производства. Один день – здесь, второй день проводили в кемеровских театрах, цирке и филармонии. Помимо того, сельским труженикам выделяли профсоюзные путёвки в Трускавец и Минеральные Воды, практиковали для них туристические поездки по стране и за границу.

Только в строительстве новой церкви не успел поучаствовать Вернер, уйдя из жизни в 2000 году. Деревянная церковь в Паче появилась полтора века назад. Потом её колокольня накренилась. Могла обрушиться. Поэтому в 1960-х годах храм пришлось снести. Однако сын Вернера, Евгений Михайлович Баранов, исполнил мечту отца. 12 июня 2011 года митрополит Аристарх прибыл в Пачу и совершил освящение на новом месте Свято-Троицкого храма.

В народе существует обманчивое мнение: будто бы в Советском Союзе всё было государственным, а государственная казна – бездонной. И вроде бы кто жил с государством «вась-вась», тот и получал дивиденды. Однако пачинцы в один голос утверждают, что это совсем не так. В их селе соцкультбыт был возведён в основном на средства, которые зарабатывал совхоз от реализации продукции. Так же происходило и со строительством сельскохозяйственных объектов. В Паче жизнь кипела круче, чем в других местах, поэтому совхоз зарабатывал больше, чем многие другие. И если середнячкам из заработанного на новое строительство выпадал, допустим, один рубль, то «Пачинскому» – в несколько раз больше.

При высоких совхозных достижениях в селе развивались личные подворья. На 1 300 дворов

приходилось почти 2 500 голов крупного рогатого скота, свиней и овец. Не счесть было птицы. А еще нужно принять во внимание пчеловодов с их ульями.

Вся деятельность Вернера и его команды подчинялась простой и труднодостижимой цели. Они хотели, чтобы люди на селе с полной самоотдачей трудились на хорошо организованных рабочих местах, повышали профессиональное мастерство, имели время для самообразования, знакомства с культурным наследием страны, а также для занятий приусадебными делами. Можно считать, что эта цель была достигнута, хотя, как мы знаем, нет предела совершенству.

Естественно, возникает вопрос: каким образом Пача приобрела деятельного, инициативного, прозорливого, смекалистого и хваткого руководителя? Ответ такой: именно здесь он сформировался. А родился Вернер в 1923 году (в глинобитной хате с глиняным полом и крытой соломой крышей) в многодетной семье виноградарей и полеводов немецкой слободы Мариенталь, что возникла в Приазовье в 1880 году после переезда туда воронежских крестьян. В 1938 году попал в жернова политических репрессий и был расстрелян отец, Матвей Матвеевич, воин русской армии в Первую мировую войну, а затем мирный агроном-виноградарь. В 1941 году Михаил Матвеевич окончил девять классов. Началась война. Мать, сестру и его самого вместе с другими односельчанами немецкой национальности в товарняке привезли в Сибирь.

Путь 47-летней матери Регины Фёдоровны и 15-летней сестры Марты пролёг в Юргинский район Запсибкрая, а Михаила призвали в трудовую армию на строительство железной дороги в районе будущего города Междуреченска. Оттуда торили магистраль к железным рудникам Хакасии. Это направление имело стратегическое значение и должно было ускорить доставку военных грузов к дальневосточным границам.

В отряде трудармейцев Вернер трудился бок о бок с русскими, украинцами, финнами, румынами, венграми, итальянцами, корейцами, белорусами, калмыками, татарами и представителями других наций и народностей, олицетворявших интернациональный Советский Союз. Он мог бы сродниться с железной дорогой, если бы не случай. Произошло вот что. Весной 1942 года Михаил заслужил поощрительную поездку к матери в деревню Грамотуха. Но начавшийся ледоход не позволил ему после 50-километрового

пешего хода добраться на противоположный берег Томи. И он был вынужден заночевать в Паче.

Выдвинулся в деревню на дымок и оказался на конном дворе. В сбруйной около буржуйки мертвецки заснул. А утром его разбудил директор МТС Яков Лаврентьевич Ковалёв (впоследствии кавалер ордена Ленина) и предложил работу в кузнице с обещанием уладить отношения с трудармией. Вернер согласился. Семья Фридриха Фридриховича Фраймана, приехавшая в Сибирь из Поволжья, приютила новенького молотобойца. Работы в кузнице было очень много. Однако по ночам Михаил принимался за чтение при лучине. Читал «Страдания молодого Вертера», «Три мушкетёра», «Графа Монте-Кристо» и революционно-романтический роман «Овод». А тут ещё влюбился в почтальонку Татьяну Баранову. И в 1944 году они поженились.

До 1950 года он работал слесарем-медником и электросварщиком Пачинской МТС. Познал премудрости обработки хрупкого чугуна, сварки простой и нержавеющей стали. Научился делать детали для тракторов, сеялок и комбайнов. Мастеровитость, видимо, у него природная. Не случайно позже он изобрёл приспособления для ускоренной уборки царицы полей – кукурузы, усовершенствовал методы ремонта сельхозтехники непосредственно в поле. В 1954 году стал курсантом училища механизации сельского хозяйства в посёлке Школьный Прокопьевского района, где получил специальность бригадира тракторной бригады с квалификацией слесаря и кузнеца. В 1955 году Вернера назначили участковым механиком, потом механиком-контролёром МТС и пригласили преподавать на курсах трактористов.

Сын, Евгений Михайлович, хорошо помнит пачинские университеты отца. Вечерами Михаил Матвеевич преподавал на курсах трактористов, а днями мотался по полям и деревням. Иногда на весь день брал сына в будку ремонтной летучки на базе автомобиля ЗИС-5. «Лечить» сломанные трактора и комбайны Вернер старался у межи поля. Вскоре его повысили в должности до заместителя председателя колхоза имени Мичурина по технике и закрепили за ним мотоцикл Иж-49. По словам сына, с работы отец приходил поздно, а уезжал на колхозные поля ни свет ни заря. В 1960 году после выхода постановления Совета министров СССР о создании совхоза «Пачинский» Михаила Матвеевича назначили главным инженером.

Коммунисты совхоза в 1961 и 1962 годах избирали его секретарём партийного комитета. Так Вернер попал в кадровый резерв райкома партии. А там при рассмотрении его кандидатуры обратили внимание на отсутствие среднего образования. И 39-летний Вернер сел за школьную парту вместе с одиннадцатью другими совхозными работниками, а затем заочно окончил сельскохозяйственный институт в Барнауле.

В 1963 году Михаила Матвеевича назначили директором совхоза «Пачинский». В этой должности он прослужил Отечеству до 1987 года. Вернер был награждён орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени и орденом «Знак Почёта». Он – заслуженный работник сельского хозяйства РСФСР, почётный гражданин Кемеровской области и почетный житель Яшкинского района.

Кроме того, он собрал историю своего рода и сохранил для потомков важные документы семейной направленности. Эта кропотливая работа характеризует его как усидчивого и дотошного исследователя. Сведения о родственниках и документы он собирал с молодости и до конца жизни. Записи вносил в специальную книгу. Теперь они – основа для создания генеалогического древа, которое позволит нынешнему и будущим поколениям соотносить глобальные события в стране и мире с непростыми порой судьбами Вернеров и Барановых.

Чем же занимался Михаил Матвеевич в минуты отдыха? Не поверите. Он обожал домашнюю кулинарию, находя в ней избавление от стрессов. Предпочитал самостоятельно готовить тушёнку, вяленые и копчёные мясопродукты, колбаску ручной работы на немецкий манер. Слюнки уже текут. Пальчики облизываю. Тем более в прошлом единожды имел прикосновение к пачинским разносолам и участвовал

в их употреблении. Таких гостей перед директором совхоза прошли сотни и тысячи. Однако уж очень хлебосольным он был мужиком.

Дома у него всё было вкуснее, чем в общепите. Ведь в собственной кулинарии он применял экзотические добавки, а их дозировку определял с помощью аптекарских весов. Для своих солений он вводил обязательный 40-дневный мораторий, что в момент их пробы усиливало аппетит домочадцев и желание поскорее отведать огурчики и помидорчики вприкуску с тушёнкой и домашней стряпнёй.

Так что самым естественным образом в начале 1980-х годов, то есть в момент моей первой поездки в Пачу, для представителя ЦК КПСС и сопровождавших его работников обкома партии после знакомства с совхозом Вернер устроил неофициальный приём в просторном зале сельской столовой. Сытный обед в присутствии за общим столом ударников производства сопровождался тремя тостами и завершился здравицей гостя из столицы в честь Леонида Ильича Брежнева.

В этот миг все поднялись с мест. И заметно выделялась густая и кучерявая шевелюра могучего Вернера, олицетворявшего собой когорту лучших представителей многонационального советского народа и великой державы. Он, как всегда, был внутренне собран и с доброй улыбкой на лице. В то мгновение я воспринимал его как некоронованного Героя.

И последнее. Вернер нечасто выезжал за пределы Кемеровской области, но там быстро начинал тосковать по своей второй, после пачинского Мариантала, малой родине. Его не раз уговаривали вернуться в Ставропольский край. «Душа у меня теперь иная, преданная Паче. Здесь живое дело, конкретные результаты», – говорил он и отвечал отказом.

г. Кемерово

